

Академик
Мая Мұхамедәлиқызы Бағызбаеваның
85 жылдығына арналған
«ҚАЗІРГІ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ:
ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ҚОЛДАНБАЛЫ АСПЕКТІЛЕР» атты
Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының
(IX Бағызбаева оқулары)
МАТЕРИАЛДАРЫ

Алматы, 28 сәуір 2017 жыл

МАТЕРИАЛЫ
Международной научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ»,
посвященной 85-летию академика Багизбаевой Майи Михайловны
(IX Багизбаевские чтения)

Алматы, 28 апреля 2017 года

MATERIALS
of International scientific and practical conference
«ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS»,
devoted to 85-year of birth
of the academician Bagizbaeva Maiya Mikhailovna
(the IX Bagizbaeva's readings)

Almaty, April 28, 2017

Редакционная коллегия:

Джолдасбекова Б.У., член-корреспондент НАН РК, д.ф.н., профессор,
заведующий кафедрой русской филологии и мировой литературы
Баянбаева Ж.А., зам. заведующего кафедрой русской филологии и мировой литературы
по учебно-методической и воспитательной работе
Абаева Ж.С., к.ф.н., зам. заведующего кафедрой русской филологии и мировой литературы
по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству
Айнабекова Г.Б., преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы
Итжанова Н.Б., преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы

Актуальные вопросы современной филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты: Материалы международной научно-практической конференции. IX Багизбаевские чтения. – Алматы, 28 апреля 2017 г. – Алматы: Қазақ университеті, 2017. – 270 с.

ISBN 978-601-04-2350-3

В сборник конференции вошли материалы исследований известных ученых Казахстана, России, Испании, Ирана, Украины, Молдовы, Кыргызстана, посвященные актуальным вопросам литературы и языка, теоретическим и прикладным аспектам филологической науки, а также проблемам технологизации процесса обучения в системе непрерывного интегрированного образования.

Сборник предназначен специалистам в области гуманитарных наук, преподавателям, докторантам, магистрантам и студентам.

Прости ему.
Пусть до гроба
одинокостью окружен [11, 146] , в исполнении Высоцкого пожелание «пусть» меняется на сочувствие:

Прости ему.
Он до гроба
одинокостью окружен [13].

А. Вознесенского и О.Сулейменова, действительно объединяла настоящая человеческая дружба и общие творческие веянья. Никто не поспорит о том, что если бы не их творческий союз, то мы никогда бы не прочитали о Махамбете в интерпретации Вознесенского и, вероятно, никогда не постигли закона, выдвинутого О. Сулейменовым, в стихотворении, посвященном другу: «Мы кочуем на встречу друг другу, узнаваясь в другом».

Анализируя и сопоставляя лирические произведения А. Вознесенского и О. Сулейменова, мы полагаем, что поэтический диалог в творчестве обоих авторов проявляется не только в форме адресатной лирики (послания, стихи-посвящения), но также в схожем осознании своей миссии поэта.

Литература

1. Бердникова Т. В. Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля: на материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского - Саратов, 2008. - 222 с.
2. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. – М.: РУДН, 2005. - 387 с.
3. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира писателя-билингва. – Алматы, 2010. – 265 с.
4. Какильбаева Э.Т. Национальный менталитет в стихах русскоязычного поэта Олжаса Сулейменова. // Материалы III международного научно-практического форума «Языки. Культура. Перевод» - Афины (Греция), 19-25 июня 2015 г. – М., 2015. – С.126-135.
5. Ауэзов М.М. Времен связующая нить: Литературно-критические этюды - А-Ата: Жазушы, 1972. - 296 с.
6. Канапьянов Б.М. Образ Махамбета в творчестве современных поэтов: Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский // Книголюб. – 2003. – № 7-8. – С. 22 – 23.
7. Канапьянов Б.М. Быть далеко услышанным // Литературная Алма-Ата. – 2006. - №3. – С.37-40.
8. Сулейменов О. Последние мысли Махамбета умирающего на берегу Урала от раны // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С.185.
9. Вознесенский А. Параболическая баллада // Вознесенский А. Парабола. Стихи. – М.: Советский писатель, 1960. – С.92 -98.
10. Сулейменов О. Это кажется мне... //Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С.279-280.
11. Вознесенский А. Песня акына // Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный. Стихотворения. - М.: Худ. лит., 1975. – С.146.
12. Вайль П., Генис А. Шампанское и политура // Высоцкий В.: Все не так. Мемориальный альманах-антология / Ред. -сост. А. Базилевский. – М.: Вахазар, 1991. - С. 44.
13. Цит. по исполнению на видеозаписи: <http://www.youtube.com/watch?v=e5EhnWAbX1U>

ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ И ДУХА В РОМАНЕ Ч. АЙТМАТОВА

Тлеубай Г. К.¹, Джолдасбекова Б.У.²
¹магистрант II курса, ²д.ф.н., профессор,
КазНУ имени аль-Фараби
Gulbanu2007@gmail.com

Одним из важных вопросов литературоведения является изучение проблемы личности, при ее изучении раскрывается авторская позиция писателя, идейно-философская основа, художественный мир произведения.

Многие исследователи в силу особенностей романа усматривали в нем проблему экологии природы (рассказ о волчице Акбаре), экологии духа (Гришан и Авдий Калистратов), однако автор в романе поднимается до политических (прокуратор Понтий Пилат и Иисус), социальных (отрешенность государства от проблем общества) проблем общества 1980-х годов. Личность – отражение времени и эпохи, а в концепции личности автора художественного произведения прослеживаются нравственные оценки общества.

Роман «Плаха» указывает на самоотверженность личности, жертвующей собой ради Жизни, Справедливости, Мира, и здесь присутствует личный выбор героя.

Сама композиция романа, построенная из самостоятельных сюжетных разветвлений, представляет логическую цепь произведения: судьба волков, наркоманов, Авдия Калистратова,

Шестерых и седьмого, Понтия Пилата и Иисуса, Бостона и Базарбая. При этом историческое прошлое связано с сюжетом о шестерых и седьмом, значение которого строится на постулате: «Добро не может строиться на зле»; сюжетная линия о Понтии Пилате и Иисусе, на наш взгляд, сводится к многовековой мудрости о невозможности подавить свободу духа. Отсюда закономерно вытекает настоящее, тесно переплетенное с прошлым, это - судьба волков и наркомания с философской идеей экологии природы и духа. Автор подсказывает читателю мысль о несоизмеримости зла, каким бы не было проявление зла, последствия его одинаково пагубны, пример тому борьба Бостона и Базарбая. Смысл композиции романа заключается в принципиальной необходимости отрешения от жестокости, даже ради установления справедливости.

Автор переходит к основному сюжету, начиная его с описания природы, задавая читателю тон романа. *«Вслед за коротким, легким, как детское дыхание, дневным потеплением на обращенных к солнцу горных склонах погода вскоре неумовимо изменилась - заветрило с ледников, и уже закрадывались по ущельям всюду проникающие резкие ранние сумерки, несущие за собой холодную сизость предстоящей снежной ночи»* [1, 6]. Уже с первых строк автор обращает внимание читателя на затягивающий землю мрак - Зло, наркоманию как проявление социального умерщвления личности в человеке, ведущую к духовной деградации. Далее описываются внутренние переживания матери-волчицы, охваченной страхом за жизнь своих детенышей, этот сюжет романа вселяет в читателя страх, заставляя его сопереживать матери-волчице, символу «матери». Начало (беспокойство за потомство) и конец романа (попытка спасения сына) взаимосвязаны и недвусмысленны: ничего не оправдывает зло (использование оружия Бостоном ради спасения сына). Так, вновь повторяется трагическая судьба человечества, построенная на постулате «око за око, зуб за зуб». Возрождение через прощение - путь добра: *«Бостон же продолжал свой путь... А синяя крутизна Иссук-Куля все приближалась, и ему хотелось раствориться в ней, исчезнуть - и хотелось, и не хотелось жить. Вот как эти буруны - волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя...»* [1, 358]. Здесь проявляется философское мировоззрение автора на религиозном каноне прощения, зло во имя добра порождает зло. Заканчивается роман на философской ноте противопоставления Жизни и Смерти, все проявления доброты и прекрасного не имеют смысла без божественного дара - Жизни.

Ярким в романе является образ Авдия Каллистратова, судьба которого глубоко драматична, однако не трагична, поскольку он - символ служения добру (Авдий значит «служащий Богу»). В рассказе об Авдии прослеживается взаимосвязь его судьбы с судьбой Иисуса (имя означает «Бог есть спасение»). Соединение двух образов (в яви и бреду) символизирует «службу ради спасения».

Любовь героя, взошедшего ради спасения Человека на плаху, придает ему силы для борьбы, он мысленно обращается к Возлюбленной-Творцу, в символикке «женщина-любовь-божество» проявляется традиция восточной поэзии. *«Горше и мучительнее думалось ему о ней, о той, которая с некоторых пор стала самым близким существом на свете, постоянно сопутствующим ему в мыслях, как ипостась его собственной сути. И в этот час он не мог отделить ее от себя, не мог не обращать к ней свои чувства и переживания»* [1, 43]. Образ Возлюбленной - Инги Федоровны - является в романе символом Творца. Внутреннее чувство одиночества, любви, стремления к единению с Любимой, охватившие Авдия, были вызваны особенностью времени Атеизма, когда человек чувствовал разлуку с самой сущностью бытия, но: «в нем горел свой огонь. Обуреваемый собственными идеями «развития во времени, категории Бога в зависимости от исторического развития человечества» [1]. Герой находил Любовь-Бога во всей окружающей жизни, во всех проявлениях созидательного начала.

В романе отношение автора к Богу выражается традиционными художественными приемами, которые, как отмечено выше, восходят к средневековой классической поэзии Востока. Автор заявляет в романе открыто: *«Но острее всего он чувствовал в этот раз свое одиночество. Ему припомнилось полузабытое изречение какого-то восточного поэта:*

«И среди тысячной толпы - ты одинок, и находясь с собой наедине - ты одинок»...

Теперь ему наконец открылась справедливость парадоксальных слов все того же восточного поэта, над которыми он прежде посмеивался, не верил, что можно утверждать:

«Пусть не полюбится тому, кто истинно любить предрасположен...» Что за чушь! А теперь он тихо плакал, думая о ней, сознавая, что, не зная он о ее существовании, не любил ее так затаенно и отчаянно, как собственную жизнь перед смертью, не было бы этой неутихающей боли, этой тоски, этого неодолимого, безумного и мучительного желания немедленно, тотчас же ворваться, освободиться и бежать к ней среди ночи через саванну на ту затерянную в трансконтинентальной протяженности железной дороги станцию Жалпак-Саз, чтобы очутиться, как и тогда, хоть на полчаса, возле ее дверей...» [1]. Это описание душевного состояния, в котором находится верующий человек, созвучны с поэзией Хафиза, Низами.

Главный герой становится свидетелем чудовищного зла - наркомании, он задается вопросом: к чему она приведет человечество? В этих философских размышлениях глобального масштаба проявляется творческий стиль Ч. Айтматова, где каждая деталь произведения служит для раскрытия главной идеи спасения рода человеческого. В приведенных выше примерах прослеживается авторская точка зрения, согласно которой важный шаг в жизни человека - это принятие Бога-Завтра, самоотречение ради будущих поколений - это и есть любовь, любовь к жизни, вера в высокое предназначение человека.

«Теперь ему открылось, что Бог, являя себя через любовь, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость Бога тут бесконечна, как бесконечно течение времени, а предназначение любви неповторимо в каждом случае и в каждом человеке...»

- Слава Всевышнему! - прошептал он, глядя на луну, и подумал: «Если бы она знала, как велика божья милость, когда он вселяет в сердце любовь...» [1]. Луна, являющаяся в традиции восточной поэзии символом созидания, успокоения, веры во спасение и любви, находит философское разрешение проблемы веры в Человека.

В последовательном изложении событий, ставших объектом произведения, прослеживается борьба за жизнь. Основной идеей произведения является возрождение духа и утверждение общечеловеческих нравственно-гуманистических принципов на основе религиозных воззрений. Подобная духовная ситуация характерна для 1980-х годов, когда литература обратилась к поиску нравственно-этических ценностей бытия.

В произведениях Ч. Айтматова Авдий обращается к легендам, библейским сказаниям, преданиям, которые хранят кладезь многовековой мудрости человечества, чтобы найти ответы на беспокоившие его сознание вопросы. Мифы, сны, видения героев вводятся писателем в сюжет романов как возможность увидеть в другом ракурсе идейно-философскую направленность художественного текста.

К божественной сущности обращается Авдий в моменты растерянности и затруднений, что находит своеобразное художественное решение в романе. *«Обо всех своих неудачах и переживаниях Авдий Каллистратов писал Инге Федоровне, которую он считал даром судьбы, самым близким себе человеком, - ведь она, подобно реке, оживляла и воскрешала его для повседневного бытия. Вскоре он понял, что переписка с Ингой Федоровной - главное событие в его жизни и, возможно, что самое предназначение, которое оправдывает его существование. Отправив ей письмо, он затем жил этим, заново восстанавливая в памяти все написанное и как бы комментируя себя. То была странная форма общения на расстоянии - непрерывное излучение во времени и пространстве его страждущей души» [1]. Утерянный опыт, мудрость прошлых веков учат сохранять веру в справедливость любой ценой, даже если она будет преследуема. Это символ Божества-Справедливости, передаваемый образом Женщины. В романе «Плаха» Авдий постоянно общается со своей Возлюбленной, к ней устремляет свои мысли, что ярко раскрывает основную концепцию автора. «...Потом я думал много дней, не шокировали ли Вас начальные слова моего письма: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» Я их привел, будучи воспитанным в этих традициях, они всегда служат мне камертоном перед серьезным разговором, настраивая на молитвенное состояние духа» [1, 47]. Это обращение, раскрывая смысл романа, выражает надежду автора на возрождение Веры в душе человека.*

Этот плодотворный творческий метод раскрытия идейно-художественной основы произведения используется в комментариях главного героя к церковной музыке. *«Этот крик*

жизни, крик человека с вознесенными ввысь руками, говорящий о вековечной жажде утвердить себя, облегчить свою участь, найти точку опоры в необозримых просторах вселенной, трагически уповая, что существуют помимо Него еще какие-то небесные силы, которые помогут ему в этом. Грандиозное заблуждение! О, как велико стремление человека быть услышанным наверху! И сколько энергии, сколько мысли вложил он в уверения, покаяния, в славословия, принуждая себя во имя этого к смирению, к послушанию, к безропотности вопреки бунтующей крови своей, вопреки стихии своей, вечно жаждущей мятежа, новшеств, отрицания. О, как трудно и мучительно это давалось ему. Ригведа, псалмы, заклинания, гимны, шаманство! И столько еще было произнесено в веках нескончаемых мольб и молитв, что, будь они материально ощутимы, затопили бы собой всю землю, подобно горько-соленым океанам, вышедшим из берегов. Как трудно рождалось в человеке человеческое...» [Там же, с. 66-67]. Осуждение слепой веры в помощь извне, отрицания бога в человеке, то есть созидающей сути человека, звучит в этих строках. Настало время Человеку-Творцу встать на защиту добра, человечности. Мысли эти повторяются во всех творениях искусства, однако суть его еще не постигнута. Приведенные примеры позволяют читателю вновь утвердиться в мысли о том, что вся история человечества - это борьба Добра со Злом, поскольку Добро есть Жизнь. Искусство изначально имело сакральную силу катарсиса, облагораживающую людские души, способную зарождавать в них те прекрасные чувства, которые питали созидательные силы на земле. Приведенные выше отрывки являются тем идейным ядром, которое заключает в себе смысл романа в целом.

В романе образы Авдия, Бостона, Сандро, Понтия Пилата раскрыты через их монологи, диалоги, предметный мир, описания автора. Образ главного героя сюжетной линии «Шестеро и седьмой» Сандро изображен как человек, находящийся в смятении, в поисках оптимального решения в сложный революционный период. *«Все было сделано. Сандро еще раз молча обошел шестерых, сраженных наповал, и, отойдя чуть в сторону, приставил дуло маузера к виску. Еще раз выстрел прозвучал в горах коротким эхом. Теперь он был седьмым, отведав свои песни...»* [1, 79]. Сомнения, тревоги, разочарования, слабая надежда и вера в будущее сопровождают тернистый путь человека. В приведенном выше примере проявляется мысль об утверждении жизни в противовес всем идеям: *«думал ли, что такое рождение человека, и думал ли, что смерть всегда с тобой, пока ты дышишь, а после смерти смерти нет, но жизнь выше смерти, нет меры в мире выше жизни - и потому избежи смертоубийства, но коли враг пришел на землю, землю свою защити; и честь любимой береги, как землю родную»* [1]. В этом отрывке проявляется общая концепция писателя, дающая оценку кровопролитиям.

Жанр анализируемого художественного произведения исследователями определяется как философский роман, где образы раскрываются через мысли, внутренние размышления, портретные характеристики, и главный герой - это избранная личность, предназначение которой заключается в исполнении своей миссии.

Бостон - типичный передовой труженик, правдивый человек. *«Да, везет, определенно везет Бостону - вон как у него на подворье все ладно, и в доме яркий свет, чистота, хоть и на овечьем становище живут. Пришлось разуться, сбросить кирзачи да портянки в прихожей и в одних носках вязаных пройти по кошмам в комнату. Уж если человеку везет, везет во всем. Вот ведь, раньше не замечал Базарбай, что вдова Эрназара, погибшего на перевале, такая видная собой баба и невеста рая. А теперь она, Гулюмкан, жена Бостона и хоть и пережила горе, а судя по виду, счастлива»* [1, 263] - в этой оценке Базарбая раскрывается образ Бостона как истинного человека.

Все главные герои сюжетных линий романа - это символы добра, противостоящего силе невежества, зла, их действия обусловлены обстановкой времени. Волчица, Авдий, Сандро и Бостон - символы вечности, созидания, служения Добру, благодаря которым жизнь на земле продолжается: *«Он, Авдий, и она, Инга Федоровна, занимаются в чем-то близкими вопросами, связанными с анашой, поскольку она ведет работу по изучению моюнкумской популяции»* [1, 216]. Анаша - орудие зла, нравственной деградации человека; пристрастие к наркотикам - следствие неведения степени наносимого им урона, несмотря на это уничтожение конопли как вида есть покушение на природу. «Как быть?» - рассуждает автор. *«Из объяснений Инги Федоровны выходило, что найти химические вещества для уничтожения конопли... наносит удар по системе размножения, вполне возможно, но этот метод нес с собой еще большее зло -*

он разрушал почву: земля минимум на двести лет выходила из строя. Губить природу ради борьбы с наркоманией - это ведь тоже палка о двух концах... О Боже, подумал Авдий, если бы природа обладала мышлением, каким тяжелым грузом вины легла бы на нее эта чудовищная взаимосвязь между Дикорастущей флорой и нравственной деградацией человека» [1, 217]. Пока живет на земле человек, борьба Добра и Зла будет продолжаться, искоренить Зло возможно только в том случае, если каждый человек сможет искоренить его в своем сердце. Человечество всегда будет стремиться к утверждению законов добра и жизни, и все происходящие события в мире объяснимы этими стремлениями. Таков логический порядок мироздания. Это основная поднятая автором проблематика романа. Таким образом, образ нравственной, непорочной личности проявляется в концепции личности Ч. Айтматова, рожденной общественной необходимостью 1980-х годов.

В философском романе «Плаха» Ч. Айтматова проявляется концепция социально активной, мыслящей масштабно личности, утверждаются общие гуманистические ценности человечества.

Литература

1. *Айтматов Ч. Т.* Собрание сочинений: в 7 т. – Бишкек: Туркестан, 1998. – Т. 4. – 495 с.
2. *Гинзбург Л.* О психологической прозе. 2-е изд. – Л.: Худож. лит., 1977. – 443 с.
3. *Савельева В.* Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. – Алматы: ТОО «Драйк-Пресс», 1996. – 192 с.
4. *Сизуа С.* Миф и логика: структура прозы К. Гамсахурдия. – Тб.: Мерани, 1984. – 336 с.
5. *Мень А.* Мировая и духовная культура. Лекции. – Фонд имени А.Меня, 2005.

REFLECTION OF O. SULEIMENOV'S POETIC WORLDVIEW

Утепова Р.И.

al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,
Roza_Uteпова69@mail.ru

A special perspective involves consideration of the author's etymologization in the structure of the development of an image-dominant, or artistic ideas. Author etymologization in all its varieties – the most important way to reflect O.Suleimenov's poetic worldview under the artistic idea of fire. The image of fire - one of the central images of world literature and culture - is a variety of refraction in different literary traditions, artistic and aesthetic systems.

Individually-copyright content of this image in any poetic system, ultimately goes back to the complex mytho-poetic sense of the image of fire that exists in the mythological minds of many people. In this regard, we can quote the words of J. Frank Kamenetz that mythological ideas, liquidated as a result of repeatedly iterative process, find hospitable refuge in poetry, enriching poetic speech in reserve of metaphors and similes, once reflecting the elements of genuine world-view, but is recognized for simple game of imagination now.

Opening fire belongs to the oldest human culture. As L.Y. Sternberg believed, in the history of human culture there is hardly any other phenomenon, which played the same role as the fire. None of the surrounding nature object could not urge a man a vivid picture of life, vitality and will, like fire - element, which just shows spontaneous movements and, moreover, the movement which was extremely fast and powerful. Suffice it to present a picture of the steppe fire where the fire spread with unusual force and noise which has a tongue of fire or the voice of fire for primitive man. And along with the ability to destroy everything in its path, the fire gives beneficent heat and light and also it is a helper and protector of humans.

Fire as a means to ward off evil spirits is widely used among all nations. The cult of the fire was reflected in a number of mythical images (the Greek god Hephaestus, the divine blacksmith Vulcan, Prometheus, the god of fire Agni in India, and others.). [3. P. 11]

In mythological consciousness of many people. the fire is the epitome of the few beginnings: destroying force; formidable and dangerous element, for example, the gods Agni and Shiva-Rudra in the Vedic religious system; human companion and helper in the fight against wild beasts; the power of cleansing and healing; home, symbol of the family patron; the power of fertilization.

Mythological representations anchored in numerous ceremonies. Dancing and jumping through the fire of the ancient Slavs and other European nations, the treatment of animals during epizootic passing through a fire in Bavaria, the infamous inquisitorial fires, which burned witches, Christmas lights on a Christmas tree - this series is endless. In France, people still twine gardens and fields torches

<i>Dzholdasbekova B.U., Shanaev R.U.</i> Features of philosophical worldview in I.P. Shchegolikhin's essays	177
<i>Джолдасбекова Б.У., Женис Н.Н.</i> Особенности реалистических рассказов о животных М. Зверева в анималистической литературе Казахстана	180
<i>Nurmoldaev D.</i> Function of a Diary genre in T. Abdikov's prose	182
<i>Енсебай Г.Е.</i> Лирический герой в поэзии П. Васильева	184
<i>Жаксылыков А.Ж.</i> Методические условия адекватной передачи предметно-концептуального мира поэзии жырау в переводах на русский язык	186
<i>Zhaksylykov A.Zh., Naubay B.N.</i> The image of a man at war in D. Snegin's prose	192
<i>Женис Н.</i> Олжас Сулейменов и кинематограф	194
<i>Жумагазина Ә.Е.</i> Қазақ поэзиясындағы «Көк бөрі» тотеміне қатысты фольклорлық мотивтің көркем көрінісі	198
<i>Зейферт Е.И.</i> Реконструкция и развитие литературы российских немцев во второй половине XX – начале XXI века	201
<i>Ибраева Д.С.</i> Автобиографизм романа И. П. Щеголихина "Не жалею, не зову, не плачу..."	205
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Сюжет и жанр «Глиняной книги» О. Сулейменова в интерпретациях исследователей	207
<i>Kakishева N.T.</i> Historical themes in M. Simashko's prose	211
<i>Қалиева А.Қ.</i> Тәуелсіздік дәуірі жаңа қазақ романдарында: қоғамдық-саяси, моральдық-психологиялық аспектілер	213
<i>Коваленко А.Г.</i> О постмодернизме и исторической прозе	217
<i>Лазариди М.И.</i> Античный концепт "Благородный отец – Эвпатор" в литературных образах (на материале трагедий Софокла, Шекспира, Пушкина)	222
<i>Ли Э.В.</i> Об изучении имплицитного содержания художественного произведения	224
<i>Ломова Е.А.</i> Рецепция поэзии М. Цветаевой в зарубежной славистике	228
<i>Машакова А.К.</i> Казахстан и дальнее зарубежье в аспекте литературных взаимодействий	231
<i>Метляева М.</i> Темпорально-психологический подход к тандему автор/ переводчик	234
<i>Мухатаева А.Ж.</i> Народная и научная этимологии этнопонимов	236
<i>Оспан А., Какильбаева Э.Т.</i> Инновационные технологии при изучении лирики Олжаса Сулейменова в школе	239
<i>Sarsekeeva N.K., Iskakova A.T.</i> Traditions of Ukrainian folklore in the N. Gogol's tale "The night before Christmas"	242
<i>Таттимбетова К.О.</i> О некоторых жанровых особенностях романов И. П. Щеголихина	245
<i>Тахтамысова А.С., Какильбаева Э.Т.</i> Махамбет – Сулейменов – Сулейменов: диалог поэтов	248
<i>Тлеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У.</i> Экология природы и духа в романе Ч. Айтматова	251
<i>Утерова Р.И.</i> Reflection of O. Suleimenov's poetic worldview	255
<i>Шанаев Р.У.</i> Жанр баллады в лирике О. Сулейменова	260
<i>Яхьянур М., Юсефи М.</i> Поэзия Кейсара Аминпура: традиции и новаторство	263

Ғылыми басылым

**Академик
Мая Мұхамедәлиқызы Бағызбаеваның
85-жылдығына арналған
«ҚАЗІРГІ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ:
ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ҚОЛДАНБАЛЫ АСПЕКТІЛЕР» атты
Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының
(IX Бағызбаева оқулары)
МАТЕРИАЛДАРЫ**

ИБ №10805

Басуға 25.04.2017 жылы қол қойылды. Формат 60x84 ¹/₈.
Көлемі 22,7 б. т. Тапсырыс №1827. Таралымы 70 дана.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйі баспаханасында басылды.

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ
ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

AL-FARABI KAZAKH
NATIONAL UNIVERSITY

Академик

Мая Мұхамедәлиқызы Бағызбаеваның

85 жылдығына арналған

**«ҚАЗІРГІ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ:
ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ҚОЛДАНБАЛЫ АСПЕКТІЛЕР»**

атты Халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференциясының (IX Бағызбаева оқулары)

МАТЕРИАЛДАРЫ

Алматы, 28 сәуір 2017 жыл

МАТЕРИАЛЫ

Международной научно-практической конференции
**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ»**,

посвященной 85-летию академика

Багизбаевой Май Михайловны

(IX Багизбаевские чтения)

Алматы, 28 апреля 2017 года

MATERIALS

of International scientific and practical conference

**«ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS»**,

devoted to 85-year of birth of the academician

Bagizbaeva Maiya Mikhailovna

(the IX Bagizbaeva's readings)

Almaty, April 28 2017

